

Александр Костерев

Горький и Маяковский: «Мы вас ждём, товарищ птица, отчего вам не летится?»

В критическом стихотворении «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», опубликованном в журнале футуристов «Новый ЛЕФ» № 1 за 1927 год, Маяковский, едко иронизируя по поводу знаменитой «Песни о Соколе», напишет:

Алексей Максимыч, из-за ваших стёкол
виден Вам ещё парящий сокол?
Или с Вами начали дружить
по саду ползущие ужи?

История взаимоотношений двух писателей — «глашатаев революции» — весьма поучительна и уходит корнями в далёкий 1912 год, при этом сами отношения то трансформировались в дружескую приязнь, то приобретали форму бурных словесных баталий.

В манифесте группы четырёх (Д. Бурлюк, А. Кручёных, Вл. Маяковский, В. Хлебников) «Пощёчина общественному вкусу» читаем такие строки: «Всем этим Максима Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Чёрным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Таковую награду даёт судьба портным».

А спустя всего три года в биографических записях «Я сам» прочтём такие откровения Маяковского:

Запись первая:

«Пишу „Облако“. Поехал в Мустамяки (Горький снимал комнату на даче-пансионате А. К. Горбик-Ланге, в 1948 году посёлок переименован в деревню Пешково Ленинградской области, позднее — в деревню Горьковское. — Прим. авт.). М. Горький. Читал ему части „Облака“. Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете. Всё же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея».

(Об этом эпизоде очного знакомства писателей напишет Лев Кассиль в книге «Маяковский. Избранные произведения», вышедшей в 1940 году в Москве:

«Осенью 1915 года Маяковский навещает Горького в Финляндии. В саду, где осенние деревья уже надели жёлтые кофты, Маяковский читает Алексею Максимовичу „Облако в штанах“. Горькому нравится:

— Вот это настоящий разговор с богом! Давно господу так здорово не влетало.

Потом восхищённый Горький, озабоченно приоткрывшись к Маяковскому, наставительно говорит ему:

— Вот что... Вышли вы на заре и громким голосом заговорили. А день-то велик. Хватит ли вас?»)»

Запись вторая:

«Забрили. Идти на фронт не хочу. Притворился чертёжником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто (в 1915–1917 годах Маяковский, по протекции Максима Горького, устроился на военную службу в Петрограде в учебную автомобильную роту. — Прим. авт.)».

Запись третья:

«С печатанием ещё хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радуется. Покупает все мои стихи по 50 копеек строку. Напечатал „Флейту позвончика“ и „Облако“. Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек. С тех пор у меня ненависть к точкам. К пятым тоже».

(В 1916 году Горький предложил Маяковскому печататься в «Летописи» — ежемесячном литературном, научном и политическом журнале, выходившем в Петрограде в 1915–1917 годах тиражом 10–12 тысяч экземпляров. Издателем журнала был А. Н. Тихонов, официальным редактором — А. Ф. Радзишевский, фактически одним из руководителей — А. М. Горький. Максиму Горькому приписывают такой отзыв о Маяковском: «Собственно говоря, никакого футуризма нет,

а есть только Вл. Маяковский. Поэт. Большой поэт». В издательстве «Парус», где Горький был главным редактором, вышел первый сборник стихов Маяковского «Простое как мычание», на который гневно обрушивается критика. Над Маяковским открыто издеваются. Злобно, возмущённо нападают и на Горького за то, что он позволяет печатать такого «грубого» поэта.)

16 октября 1921 года М. Горький уезжает за границу, слово «эмиграция» в контексте его поездки в то время не употреблялось. По официальной версии, причиной отъезда (по настоянию Ленина) была необходимость лечения за границей в связи с постоянными рецидивами болезни Горького. По неофициальной — Горький был вынужден уехать из-за обострения идеологических разногласий с советской властью. В 1921–1923 годах писатель жил в Гельсингфорсе (Хельсинки), Берлине, Праге. До 1924 года Горькому не давали визы в Италию как «политически неблагонадёжному», а после — фашистские власти не разрешили поселиться на Капри. С 1924 по 1933 год Горький жил сначала в Неаполе, а затем в Сорренто, сменив несколько гостиниц, санаториев и вилл.

В этот непросто для Горького период в журнале футуристов «Новый Леф» № 1 за 1927 год Маяковский опубликует своё гневное воззвание к Алексею Максимовичу (в сокращении. — *Прим. авт.*):

Алексей Максимович, как помню, между нами что-то вышло вроде драки или ссоры. Я ушёл, блестя потёртыми штанами; взяли Вас международные рессоры. Очень жалко мне, товарищ Горький, что не видно Вас на стройке наших дней. Думаете — с Капри, с горки Вам видней? Одни мы, как ни хвалите халтуры, но, годы на спины грузя, тащим историю литературы — лишь мы и наши друзья. Мы не ласкаем ни глаза, ни слуха. Мы — это Леф, без истерики — мы по чертежам деловито и сухо строим завтрашний мир. Я знаю — Вас ценит и власть, и партия, Вам дали б всё — от любви до квартир. Прозаики сели пред Вами на парте б: — Учи! Верги!
— Алексей Максимыч, из-за ваших стёкол виден Вам ещё парящий сокол? Или с Вами начали дружить по саду ползущие ужи? Здесь дела по горло, рукав по локти, знамёна неба алы, и соколы — сталь в моторном клёкоте — глядят, чтоб не лезли орлы. Делами, кровью, строкою вот этою,

нигде не бывшее в найме, — я славлю взвитое красной ракетой Октябрьское, руганное и пропетое, пробитое пулями зная!
Горький в свою очередь парировал:

«От бесед с литераторами и чтения журналов определённно веет затхлостью злейшей „кружковщины“, вредной замкнутостью в тесных квадратах групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в „командующие высоты“. Это особенно характерно в таком учреждении, как „Леф“, где несколько самохвалов пытаются смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы. „Леф“ убеждает молодёжь не учиться у классиков, это — совершенно напрасно. Литературной технике и языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя, Лескова, Тургенева, к ним я прибавил бы и Бунина, Чехова, Пришвина. Бояться идеологической заразы — значит не верить в силу классового самосознания».

Горький выкажет своё отрицательное отношение к поэзии Маяковского в марте 1928 года в статье «О возвеличенных и „начинающих“»: «Не всякая ошибка и обмолвка уже ересь. Но вот цитированные Бухариным стихи Маяковского:

И когда мне говорят, что труд ещё и ещё,
Будто хрен натирают на заржавленной тёрке,
Я ласково спрашиваю, взяв за плечо:
„А вы прикупаете к пятёрке?“

Вот это действительно злейшая ересь, потому что это — мещанский анархизм».

Все годы вынужденной эмиграции Горький, с одной стороны, демонстрировал лояльность к И. В. Сталину, но в то же время поддерживал дружеские отношения со многими лидерами внутрипартийной оппозиции. И вот в мае 1928 года по приглашению не только Советского правительства, но и лично товарища Сталина впервые за семь лет после отъезда за границу Алексей Максимович «с помпой» возвращается в СССР.

А уже в июне 1929 года писательские судьбы снова сводят яркого безбожника Маяковского и в недалёком прошлом идеолога богостроительства Горького (в 1909 году он помогал участникам этого течения содержать школу на острове Капри для рабочих, которую В. И. Ленин, резко отзываясь об идеологии Горького, называл «литераторским центром богостроительства». — *Прим. авт.*) на II съезде Союза воинствующих безбожников.

В своём выступлении на съезде Маяковский резко призвал писателей и поэтов к участию в борьбе с религией:

«Мы можем уже безошибочно различать за католической сутаной маузер фашиста. Мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать обрыз

кулака, но тысячи других хитросплетений через искусство опутывают нас той же самой проклятой мистикой. <...> Если ещё можно, так или иначе, понять безмозглых из паствы, вбивающих в себя религиозное чувство в течение целых десятков лет, так называемых верующих, то писателя-религиозника, который работает сознательно и работает всё же религиозничая, мы должны квалифицировать или как шарлатана, или как дурака.

Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом „с богом“, — сегодня съезд кончится словами „на бога“. Вот лозунг сегодняшнего писателя».

Горький же в приветственной речи съезду обозначит своё отношение к религии значительно умереннее и дальновиднее:

«Товарищи, я скажу несколько слов о том, что мне не нравится в борьбе, которая вами начата и которая могла бы идти, по моему мнению, значительно успешнее, дать гораздо больше результатов, если бы приёмы, методы борьбы были несколько изменены... Я знаком с антирелигиозной литературой. Должен сказать, что она меня не удовлетворяет.

Мне кажется, что она недостаточно солидна, что с этим оружием, слишком легковесным... нельзя надеяться, что победишь столь тяжело вооружённых людей, как попы, людей учёных, хитрых, прекрасно знающих свой материал, материал своей самозащиты — евангелие, библию, богословские науки и так далее. Я полагал бы, что следует написать историю происхождения религии более солидную, чем те очерки, которые у нас есть. У врага огромное количество всяких текстов в памяти. Когда вы будете им говорить только от себя и Маркса, они вам скажут: „А я верю так“, — что вы сделаете против этого? Против эмоций должна быть выдвинута такая же зарядка, такая же энергия и такая же ненависть, потому что в той любви, которую проповедают церковники, христиане, — огромное количество ненависти к человеку. Религия давно стала человеконенавистничеством.

Против нас действуют от библии. Библия — книга в высокой степени неточная, неверная. Критическое издание библии с комментариями было бы хорошим оружием в руках безбожников. Дело не в том, чтобы ломать церкви, а в том, чтобы люди забыли о церквях, чтобы туда никто не ходил, — вот чего нужно добиваться. Кто создал богов? Мы, наша фантазия, наше воображение. Раз мы их создали, мы имеем право их ниспровергнуть. И должны ниспровергнуть. На их место нам не надо никого, кроме человека, его свободного разума. Всё, что мы делаем сейчас, вся Страна Советов является результатом нашей энергии, нашей воли, и это — мы видим — уже создаёт и создаст чудеса».

С этой точки невозврата нравственные и духовные позиции писателей будут расходиться всё дальше.

Маяковский на втором расширенном пленуме правления РАПП в конце сентября 1929 года вспомнит и своё стихотворное письмо Горькому, и попрекнёт Алексея Максимовича стремлением разглядеть за репрессиями человеческое лицо строящегося социализма:

«И здесь битьём по упадочническим настроениям были мои стихи Есенину. Большинству известно „Письмо Максиму Горькому“, где вместе с Шалапиным говорилось об искусстве. Это была вещь — задолго до лишения Шалапина звания народного артиста и задолго до всем известных разговоров о Горьком, о том, что писала „Комсомольская правда“ относительно его заступничества за детей лишенцев. Это наш актив в нашем общем отношении к проблемам».

Тему популярных и свободных птиц, поднятую Горьким, с определённым недвусмысленным подтекстом Маяковский продолжил в детской книжке: «Мы вас ждём, товарищ птица, отчего вам не летится?», вышедшей в Москве в 1931 году:

Несётся клич со всех концов,
несётся клич во все концы:
— Весна пришла! Даёшь скворцов.
Добро пожаловать, скворцы!
В самом лучшем месте
самой лучшей рощи
на ветке поразвесистей
готова жилплощадь.
И маленькая птица
с большим аппетитцем.
Готовы для кормёжки
и зёрна, и мошки.
Из-за моря, из-за леса
не летят скворцы, пока
пионеры сами лезут
на берёзины бока.
Слетит скворец под сень листьев,
сказать придётся: — Нет местов!
Хочу, чтоб этот клич гудел
над прочими кличами:
— Товарищ, пионерских дел
не забывай за птичьими.

После ухода из жизни Маяковского Горький в заключительной речи первого сентября 1934 года, на Первом съезде писателей СССР, в более примирительном тоне снова вернётся к его поэзии:

«В докладе товарища Бухарина есть один пункт, который требует возражения. Говоря о поэзии Маяковского, Н. И. Бухарин не отметил вредного — на мой взгляд — „гиперболизма“, свойственного этому весьма влиятельному и оригинальному поэту».

Своеобразно, хотя и не бесспорно, оценил характеры писателей, выказал своё отношение к конфликту писателей и вскрыл его подоплёку хорошо знавший обоих А. И. Куприн, который напишет о Горьком:

«Сокол — соколом и Буревестник — буревестником, а всё-таки Алексей Максимович мужик хитрый, дальновидный, бережливый и расчётливый. Простота его подобна мордовскому лаптю, плетённому о восьми концах. И уж, конечно, денег своих он не стал бы держать ни в керенках, ни в военном займе, ни в советском пипифаксе. Чем он хуже тех наших земляков, которые уже в конце 1916 года перевели свои капиталы в фунтах, долларах и франках за границу? Поэтому, думаю, слухи о его любостыжании — плод обычной выдумки тех людей, которые каждый ложный или злой шаг человека, стоящего на виду, склонны объяснять лишь денежным интересом.

Есть, однако, кое-что другое, что Горькому не простится.

Незадолго до этого она же (публика) положила начало мировой славе Горького, в тот день, когда он прикрикнул на неё:

— Что вы на меня рот разинули? Утопленник вам? Балерина? Венера Милосская? Пошли вон, дураки!

Правда, один голос из публики робко возразил: — Мы, извините, не на вас... Мы, собственно, на Антона Палыча-с... На господина Чехова...

Но этот голос пропал в общем одобрительном ржании: „Ишь ты, как садит. Сразу видать, что большой человек. Мелкая сошка так не посмеет...“»

Не менее показательна купринская характеристика Маяковского в «Шутах гороховых»:

«Взошёл на подмостки Владимир Маяковский, в кофте наполовину зелёной, наполовину красной, одна штанина жёлтая, другая фиолетовая, на щеках синие звёзды, в петлице приапический символ... Взошёл и заорал:

— Весь ваш Пушкин не стоит моего мизинца!

С этими словами стащил с правой ноги башмак и запустил им в публику.

Публика, конечно, пришла в неистовый восторг и с этого момента закрепила за Маяковским титул гения... <...>

Выходка Маяковского была сделана давно; не только до революции, но и до войны. Я её считаю чрезвычайно значительной и глубоко пророческой. В ней как бы блеснул на миг прообраз того самого большевизма, который тогда ещё смутно, дурманно и громоздко только что начинал бродить в русских головах. Футуристы бессознательно были вещими птицами большевиков. <...>

Для этого требуется только дерзость и бесстыдство.

Возмём наших старых, вечно новых, прекрасных писателей, введших русскую литературу... на почётное место. Все они были хорошо образованны и никогда не переставали читать, наблюдать, учиться. Если они знали радость долго вынашиваемого замысла, то знали и упорный, тяжёлый труд претворения мысли в слово... Мы застали новаторов конца XIX и начала XX столетия. Самонадеянности у них было, пожалуй, чересчур. Но кто же станет отрицать наличие блестящей эрудиции и внутренней работы над своим талантом у Бальмонта, Брюсова, Блока, Гумилёва, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, Сологуба, Ахматовой, Кузмина... Футуризм же — их побочное дитя, зачатое, однако, в оправдывающем неведении и равнодушии.

Футуризм сказал сам себе:

„Труд? — Отвратительно. Учиться? — Скучно. Слава? — Приятна. Деньги? — Ещё вкуснее. Что публика любит наипаче? — Скандал, похабщину и всё, что вне её понимания, всё равно: будь это высокая мудрость или самая пошлая мистификация“.

Итак:

„Ванька! Бей в барабан! Федька, обложи публику матерно! Так её, стерву! Серёжка, валяй на заумном языке: вя-га-га, мурдапикс, оокалоа. Володька, покажи публике то, что в бане ладонью прикрывают. Лупи её, дуру, по головам палкой! Она это обожает“...>

А для простого, срединного русского народа в них нет ничего нового... солидный крестьянин, создавший песню, и былину, и сказку, и ловкую поговорку, презрительно суров к таким егозливым болтунам: „Шуты гороховые“».

В течение последних одиннадцати лет жизни Горький пишет своё самое крупное, итоговое произведение, роман «Жизнь Клима Самгина» — описание русской интеллигенции в переломную эпоху, которое останется незавершённым. Маяковский, в свою очередь, оставит читателям «Неоконченное» стихотворение, и волею судеб слова Горького, произнесённые на даче в 1915 году, для обоих писателей оказались пророческими: «Вышли вы на заре и громким голосом заговорили. А день-то велик. Хватит ли вас?»

Первым «сгорел» Маяковский, немногим позднее — Горький. Творческие взлёты двух крупнейших писателей первой половины двадцатого века оказались столь разными, но при этом столь значительными, что образность их языка, острота и глубина мыслей, незаурядность человеческих личностей не отпускают читателя и по сей день.